

На правах рукописи

ЛАВРЕНТЬЕВА Татьяна Владимировна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ИНСТИТУТОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Нижний Новгород

2009

Работа выполнена на кафедре истории и политологии Волго-Вятской академии государственной службы.

Научный руководитель: доктор исторических наук
Халин Алексей Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Савинова Ольга Николаевна;
кандидат политических наук
Спасский Алексей Николаевич

Ведущая организация: Нижегородский государственный
архитектурно-строительный университет

Защита состоится 18 марта 2009 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д-212.166.10 при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, факультет международных отношений ННГУ, ауд. 315.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, корп. 1.

Автореферат разослан «14» февраля 2009 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор

А.Г. Браницкий

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила демократический и социальный характер российской государственности. Из этого с неизбежностью вытекает пристальное внимание к обеспечению комплекса прав и свобод российских граждан, сопряжённых, разумеется, с ответственностью и обязанностями перед обществом и государством. Поэтому проблематика защиты прав человека является одной из наиболее обсуждаемых и дискуссионных в научной и публицистической литературе.

Тем не менее, осмысление проблемы защиты прав человека встречает ряд трудностей как в политической практике (реальный уровень правовой защищённости российских граждан значительно ниже, чем это провозглашено в Конституции), так и в политической теории.

Распространено представление о том, что формирование институтов защиты прав человека относится исключительно к постсоветскому этапу развития нашей страны. Бесспорно, что само понятие – относительно позднего происхождения, однако это не отрицает возможности выполнения защитных функций теми или иными органами государственной власти либо общественными институтами не только на советском, но и на досоветских этапах развития.

В силу этого, достаточно примитивного, понимания защитных институтов в научной литературе до сих пор остаются недостаточно разграниченными понятия прав человека, защиты прав человека и институтов защиты прав человека; человека, личности и гражданина; общества и гражданского общества.

Поэтому стремление доказать наличие институтов гражданского общества в российской государственности встречает сопротивление как со стороны представителей крайне западнического направления общественной жизни, полагающих, что в России, в силу специфики её развития (отсутствия, в отличие от Западной Европы, городского самоуправления в средние века, парламента в эпоху Возрождения), не возникло и не могло возникнуть идентичных западноевропейской традиции институтов гражданского общества. С другой стороны, это же стремление встречает сопротивление и представителей крайне славянофильского направления, убеждённых, что концепция гражданского общества и сопутствующих ему институтов направлена на разложение российской идентичности, смену ментальности, поэтому не только не нужна, но и вредна, опасна в российских условиях.

Точно так же происходит и при обсуждении проблем развития институтов защиты прав человека, как важнейшей составной части гражданского общества: если крайние западники полагают, что права человека в российской истории всегда были подчинены воле государства, то крайние славянофилы считают, что концепция прав человека противоречит православной

традиции с характерными для неё симфонией личности и общества, соборностью и т.д.

Многочисленные работы по проблематике защиты прав человека, появившиеся в последние полтора десятилетия, как правило, начинают описание проблемы с появления в современной Российской Федерации института омбудсмана, или Уполномоченного по правам человека, то есть с 1991 г., игнорируя многовековую историю борьбы за права человека в российской государственности.

Изучение проблем защиты прав человека имеет, бесспорно, междисциплинарный характер. Свой весомый вклад вносят такие науки, как история, юриспруденция, социология. Проблемы прав человека исследуются в различных общественных антропологических дисциплинах: таких, как историческая антропология, политическая антропология, юридическая антропология. Поведение человека исследуют такие разделы психологии, как историческая психология, политическая психология.

Важность политологического исследования по проблематике прав человека в этой связи предопределяется необходимостью системного познания как самого института защиты прав человека в его формировании, развитии и трансформации, так и проблем, противоречий, сопутствующих его дальнейшему развитию на современном этапе.

Объект изучения – институты защиты прав человека в российской государственности в их формировании, развитии и трансформации.

Предмет исследования – взаимоотношения между личностью, обществом (и его странами) и российским государством по проблемам защиты прав человека.

Хронологические рамки исследования охватывают весь исторический период от зарождения российского государства в IX в. до принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина и создания института Уполномоченного по правам человека в современной Российской Федерации в 1991 г., т.е. период, когда защитные функции диверсифицировались между различными общественными и государственными институтами.

Период с 1991 г. по настоящее время не был специальной проблемой исследования, так как образует собой отдельный и своеобразный период, когда защитные функции государства и общества во многом сфокусировались в отдельном органе – институте Уполномоченного по правам человека, или, иначе, омбудсмана.

Цель исследования – проанализировать векторность, направленность развития институтов защиты прав человека в России.

Для реализации данной цели ставились следующие **научные задачи**:

- выявить степень органичности институтов прав человека для российской государственности;
- исследовать причины и следствия своеобразия российских институтов защиты прав человека;

- определить основные как государственные, так и общественные институты защиты прав человека;
- изучить механизмы урегулирования противоречий и разрешения конфликтов в области прав человека;
- исследовать нормативно-правовую базу гарантий прав человека и правозащитной деятельности.

Проблемная ситуация заключается в том, что защитные функции российского государства, также как и российского общества, традиционно были ограниченными, во многом отражая преобладание интересов государства перед интересами общества и личности, поэтому эти функции оставались (да и остаются до настоящего времени) искажёнными и неполными.

Проблема, исходя из этого, состоит в необходимости построения максимально эффективной и оптимальной системы защиты прав граждан и общества, которая, при этом, учитывала бы особенности отечественной государственности, российского менталитета, традиций нашей общественной жизни.

Гипотеза состоит в том, что институты защиты прав человека являются, с одной стороны, органичными для российской государственности, а те или иные формы защиты граждан традиционно были присущи всем этапам российской истории; но, с другой стороны, эти институты всегда отличались значительным своеобразием по сравнению с историей западноевропейской государственности, а поэтому отличались и от моделей, предлагаемых западной политико-правовой мыслью.

Методология и методы исследования теснейшим образом связаны с изучаемым объектом и с указанными задачами.

Работа строится на политологическом анализе проблемы на основе системного подхода, который позволяет изучить институты защиты прав человека в их развитии, в контексте присущей им исторической обстановки, проанализировать особенности институтов защиты прав человека в современной политической системе России как по сравнению с другими периодами ее истории, так и по сравнению с политическими системами других государств. Этим задачам служит использование структурно-функционального, историко-компаративистского и историко-логического методов исследования. Такой комплексный анализ дает возможность проследить механизм функционирования защитных институтов в России на различных этапах их формирования.

Автор руководствовался принципами историзма, объективности, системности, стремился при раскрытии темы рассмотреть процессы и явления, во-первых, с точки зрения того, как они возникали, какие главные этапы в своем развитии прошли и какими стали на момент изучения; во-вторых, во взаимосвязи с другими, обуславливающими их содержание и сущность социальными явлениями, то есть в контексте с определённой исторической обста-

новкой; и в-третьих, в той конкретно-исторической форме, которую эти процессы и явления принимали в разное время.

Автор использовал общенаучные и специально-исторические методы исторического исследования.

Основными теоретико-методологическими подходами, которыми автор руководствовался в своем исследовании, стали теория модернизации, обладающая значительными познавательными возможностями в понимании современных трансформаций в России; цивилизационный подход, раскрывающий исторические особенности России и объясняющий многие трудности и проблемы в становлении и развитии нового для нашей страны института омбудсмена.

Степень научной разработанности проблемы.

В комплексе литературы по проблемам прав человека, сложившемся за последние годы в нашей стране, можно выделить два основных положения:

во-первых, как уже указывалось выше, становление и развитие институтов защиты прав человека связывается в этих работах обычно с 1991 г., т.е. с появлением должности Уполномоченного по правам человека, или омбудсмена в его западном понимании;

во-вторых, появление концепции прав человека начинают обычно с французских просветителей XVIII в., несмотря на то, что в той или иной форме эта проблематика затрагивалась выдающимися мыслителями задолго до «Века просвещения».

В связи с этим неоправданно сужается и проблема гражданского общества, и связанная с его развитием проблема прав человека. Так, в частности, исследователи, как правило, чрезмерно ограничивают понятие гражданского общества, сводя его исключительно к либерально-западной традиции и отказывая, тем самым, России в праве на существование институтов гражданского общества.

Среди многочисленных работ, посвящённых учреждению и деятельности института Уполномоченного по правам человека в России, есть исследования, которые в той или иной мере рассматривают исторические аспекты развития данного института. Это работы А.Ю. Сунгурова, Р.Г. Вагизова, С.А. Глушковой, Ю.Н. Старилова, Н.А. Цымбаловой. В то же время следует отметить, что эти авторы – политологи и ученые-юристы, и анализируют в основном социально-политические и правовые проблемы рассматриваемого явления. В частности, работы Р.Г. Вагизова и Н.А. Цымбаловой, содержащие в своих названиях понятие «история», тем не менее, ограничивают обозреваемую ими историю в основном только историей самого института омбудсмена, не исследуя исторические предпосылки появления этого института.

Непосредственно посвящена проблематике истории институтов защиты прав человека в России работа Макушина А.А. Однако он напрямую связывает становление институтов защиты прав человека в России с развитием ли-

берализма и конституционализма, поэтому начинает изложение с периода «просвещённого абсолютизма», т.е. с 1762 г.

Отсюда можно сделать вывод, что обобщающей работы по истории становления и развития защитных институтов в российской государственности пока не создано.

Поэтому в диссертационном исследовании были использованы монографии историков государства и права (Г.К. Амелин, М.В. Бабич, Т.Б. Гальперин, Ю.К. Краснов, И.В. Минникас, В.А. Рогов, Н.Н. Сизиков, В.И. Скрыпник, Л.А. Стещенко) и общегражданских историков России (В.А. Александров, Г.В. Вернадский, Н.И. Иорданский, С.М. Каштанов, В.Б. Макаров, А.В. Манько, Н.Е. Носов, А.Е. Пресняков, М.Н. Тихомиров, И.Я. Фроянов, С.О. Шмидт), в которых также показаны некоторые аспекты борьбы за права человека на различных этапах российской истории.

В то же время следует отметить, что для работ указанных исследователей проблематика развития защитных институтов не была магистральной, затрагивалась лишь опосредованно.

Эмпирическая база исследования.

В качестве эмпирической базы использованы, прежде всего, законодательные документы различных периодов российской истории. Сюда относятся, в частности, «Русская правда», Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение 1649 г., Манифест о вольности дворянства 1762 г., Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г., Полное собрание законов Российской империи.

Использованы конституции советского периода: СССР (1924, 1936 и 1977 гг.) и РСФСР (1918, 1925, 1937, 1978 гг.), а также Декларация прав народов России и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятые после прихода к власти большевиков в 1917 г.

Использована также нормативно-правовая база современной Российской Федерации: Конституция 1993 г., Федеративный договор 1992 г., Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26 февраля 1997 года, а также федеральные законы от 24 июня 1999 г. «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» и от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Сюда же примыкают такие официальные документы, как Основные положения региональной политики в Российской Федерации, Положение об Общественной приёмной Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, Послания Президента Российской Федерации.

Привлечены также в качестве источников пресс-конференции Президента Российской Федерации, многочисленные интервью Уполномоченного

по правам человека в Российской Федерации, материалы Всероссийского чрезвычайного съезда в защиту прав человека.

Нашли своё отражение в диссертационном исследовании и такие правовые документы различных периодов всемирной истории, как Великая хартия вольностей 1215 г., Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями 1679 г., Билль о правах 1689 г., Декларация независимости Соединённых Штатов 1776 г., Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Декларация естественных, гражданских и политических прав человека 1793 г.

Использованы также и современные международные правовые документы: Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., Пакт о гражданских и политических правах и Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейская социальная хартия 1961 г., Всемирная декларация лингвистических прав 1996 г.

Новизна работы заключается, прежде всего, в двух аспектах.

С одной стороны, проблема институтов защиты прав человека исследуется не на материале современной Российской Федерации, которая характеризуется Конституцией как демократическое и социальное государство, а на материале предшествующих этапов развития российской государственности, далёких от стандартов демократии и уважения к правам и свободам. Тем не менее, даже этот материал даёт основание для выводов о том, что те или иные формы защиты интересов и прав личности существовали и были действенными и в эти периоды.

С другой стороны, развитие российской государственности рассматривается в работе сквозь призму проблемы защиты прав человека. В этой связи даже известные факты, события и явления интерпретируются именно с позиций защиты прав и свобод личности.

Достижение такого синтеза проблем развития российской государственности и развития защитных институтов не было специальной задачей предыдущих исследований по проблематике защиты прав человека, что придаёт научную новизну рассматриваемой работе.

Апробация работы.

Промежуточные результаты исследования были доложены в форме научных сообщений на Всероссийской научно-практической конференции «Обеспечение прав личности и интересов государства в современном обществе» (Муром, декабрь 2004 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Судьбы реформ и реформаторства в России» (Коломна, 2006 г.), Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета (Муром, апрель 2007 г.), XIV Туполевских чтений (Казань, ноябрь 2006 г.), XXX, XXXII и XXXIV Гагаринских чтений (Москва, апрель 2004 г., апрель 2006 г., апрель 2008 г.), международной научно-практической конфе-

ренции «Реформирование российского общества: опыт, проблемы, перспективы» (Воронеж, 2007 г.), Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Информационно-аналитическое обеспечение стратегического управления: теория и практика» (Москва, 2007 г.), научно-богословском симпозиуме «Общественные инициативы и движения: диалог мировоззрений» (Н.Новгород, 2007 г.), IV Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России» «Православная Церковь и государство в исторической судьбе России» (Н. Новгород, 2007 г.), VI Межрегиональном симпозиуме «История и политика: новые ресурсы регионального развития России» (Н.Новгород, 2008 г.).

Большая часть из них была опубликована в виде статей в сборниках по итогам конференций и симпозиумов, а также в периодических изданиях. Общее количество публикаций 13 объемом 2,4 п.л.

Материалы работы были использованы при создании лекций по курсам «Политология», «Теория государства и права», «История государственного управления в России», «Политическая история», «История правовых и политических учений», «История государства и права России», читаемых в Муромском филиале Владимирского государственного университета.

Практическая значимость работы состоит прежде всего в выявлении основных закономерностей формирования, развития и трансформации институтов защиты прав человека в России на разных этапах её исторического развития, необходимости учёта при конструировании современных защитных институтов того богатого исторического опыта, который накоплен в нашей стране.

Поэтому материалы диссертационного исследования могут быть использованы в практической деятельности современных институтов защиты прав человека: различных правозащитных общественных организаций, а также государственных учреждений и организаций, выполняющих посреднические функции между властью и обществом в правозащитной сфере, в частности, и института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Материалы исследования могут быть также использованы в процессе обучения и повышения квалификации работников различных органов, осуществляющих защитную функцию в современной Российской Федерации, в учебной деятельности студентов различных форм обучения.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Политико-правовой феномен защиты прав человека появился значительно раньше появления теоретических концепций, объясняющих особенности его функционирования и развития.

2. Под институтами защиты прав человека в исторической перспективе допустимо понимать любые институты, выражающие интересы индивидуумов и/или социальных групп, посредующие между названными субъектами и государственной властью.

Таким образом, защитные функции могли выполняться и теми государственными и общественными институтами, специальной задачей которых не являлась собственно защита прав человека.

3. Защита прав человека в каждом обществе имеет свою специфику. Однако своеобразие защитных институтов в российской государственности, отличие их от западной либеральной традиции не отрицает самой возможности их формирования и развития.

4. Институты защиты прав человека подразделяются на государственные и общественные, официальные и неофициальные, последние, в свою очередь, на легальные и нелегальные.

5. Институт омбудсмана – это частный случай института защиты прав человека. Его отличие от других институтов в том, что он сосредоточен только и исключительно на защите прав человека, не обладая какими-либо иными функциями (распределительными, законодательными и, тем более, карательными).

Точно так же так называемые правозащитные организации – лишь частный случай общественных организаций, выполняющих функции по артикуляции и агрегации интересов индивидуумов и/или социальных групп.

6. Взаимоотношения власти и общества по проблематике прав человека характеризуются как отношения противоречий и сотрудничества.

Структура диссертации. Структура представленной работы связана с выбором предмета исследования и поставленными задачами. В целом диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертации, проводится анализ степени ее научной разработанности, ставится цель, определяются задачи, отмечается ее практическая значимость, раскрывается научная новизна работы, дается характеристика эмпирической базы работы и основных методологических принципов исследования.

Первая глава «Развитие концепций защиты прав человека» раскрывает особенности трансформации представлений о личности и её правах как в реальном политическом процессе, так и в политической теории; как в мировой науке, так и в российской политико-правовой мысли.

В первом параграфе «Формирование теории защиты прав человека» показывается, что оно неразрывно связано с философским осмыслением роли личности и её места в обществе. Это осмысление связано уже с первыми философскими школами древности, однако изначально в них господствовал подход, фактически растворявший личность в обществе и государстве. Эти отношения подразумевали неравенство и строгую иерархию. Индивид становился, как сказали бы сегодня, парохильным (т.е. политически бессоз-

нательным) участником политики, и лишь высшие слои общества могли принимать полусознательное, или подданническое участие.

Однако уже в античный период, например, у Аристотеля, человек понимался как существо общественное и политическое («*zoon politicon*»), а государство в греческом полисе воспринималось как совокупность граждан. Иначе говоря, права и достоинства гражданина связаны с государством. Необходимо подчеркнуть, однако, что в этом случае речь шла именно о правах гражданина, но никак не о правах человека (необходимо учитывать, что правами гражданина обладало меньшинство населения полиса, то есть города-государства). При этом в Древней Греции возникла устойчивая дихотомия: поскольку не каждый человек – гражданин, то поэтому каждый гражданин проходит через должности, непосредственно участвуя в управлении государством.

Изменениям в философских построениях о роли личности соответствовали и реально-исторические перемены в том, какое место занимала личность, индивидуальные права и свободы в общественно-государственных отношениях.

Предпосылки формирования человека политического относятся к родовому строю, к так называемому потестарно-организационному (догосударственному) периоду.

Изначально человек был растворён в группе. Первобытный коллективизм не подразумевал личной свободы и личной инициативы.

При этом отсутствие индивидуальной свободы носило своеобразно-демократический характер, т.е. человек делал это добровольно, принуждаемый объективными обстоятельствами, передоверяя функции власти и управления одному лицу в целях выживания – как индивидуального, так и коллективного.

Период восточной деспотии с точки зрения поведения человека в политике примыкает к первобытному, а не к античному периоду. На положение личности в обществе и степень защищённости её прав влияли такие социально-экономические явления перехода от догосударственного к государственному обществу, как три общественных разделения труда; постепенное усложнение структуры, иерархии, появление социальных групп; появление отношений собственности, неравенства; начало отчуждения от власти; зачаточные органы власти, институт вождества.

Постепенно на смену моральному авторитету старейшины приходит авторитет публичной власти, опирающейся на принуждение. С развитием социальной структуры примитивного общества вычлениются судебная, религиозно-культовая, экономическая сферы деятельности.

Потестарная (догосударственная) власть была противоречивым явлением, если рассматривать её с позиций прав и свобод человека.

С одной стороны, она ограничивала агрессивность и асоциальность человека. В трактовке позднейших теоретиков общественного договора (преж-

де всего, Т. Гоббса и Дж. Локка) это означало, что изначально, в первобытном обществе, каждый человек был предельно свободен в любых своих проявлениях. Однако такая безбрежная свобода личности с неизбежностью наталкивалась на такую же неограниченную свободу другой личности. Такое «броуновское движение» свобод в итоге взаимоуничтожало индивидуальные свободы, происходило то, что получило наименование «война всех против всех». Именно это принудило людей пойти на добровольное самоограничение свобод, договориться между собой (отсюда и название теории «общественного договора») об отказе от части своих прав и свобод.

При этом резервуаром, хранилищем индивидуальных прав и свобод становится потестарная власть. Именно она берёт на себя труд повторного распределения прав между членами коллектива.

С другой стороны, эта же власть социализировала человека, то есть осуществляла приспособление человека к общественным отношениям. Это означало, помимо всего прочего, и своеобразную гарантию первичных прав личности в коллективе.

В истории философско-юридической мысли формирование концепций прав человека происходило в борьбе школ естественного права и позитивизма.

Появление школы естественного права (присущей скорее философии, нежели юриспруденции) обычно связывают с периодом раннего Нового времени, т.е. с XVI-XVII вв., и, прежде всего, с борьбой течений внутри концепции «общественного договора». Т. Гоббс настаивал на том, что с появлением государства (или, иначе говоря, с подписанием негласного общественного договора) люди добровольно передают ему все свои права, дабы государство в интересах дела самочинно распоряжалось этими правами и часть из них передавало обратно гражданам по своему усмотрению.

Дж. Локк же, наоборот, был убеждён в том, что естественные права, которыми люди обладали изначально (по воле Бога), не исчезают с заключением общественного договора и возникновением государства; напротив, защита этих прав вменяется последнему в качестве одной из главных задач; иначе говоря, ограничения прав человека минимальны, точно так же минимальны и права государства.

Последний из отцов-основателей теории «общественного договора», Ж.-Ж. Руссо, поставил принципиально новый вопрос: не только о том, какой долей своих прав граждане делятся с государством, но и о том, что делать, если одна из договаривающихся сторон не соблюдает условия общественного договора. При этом Ж.-Ж. Руссо не сомневался, что стороной – нарушителем договора является именно государство. В этом случае, по мнению Ж.-Ж. Руссо, необходимо сменить такое государство, или, иначе говоря, сменить государственный аппарат, а такая смена не может произойти безболезненно, мирным путём. Другими словами, концепция Ж.-Ж. Руссо означала признание права народа на восстание.

Если естественное право исходило из наличия естественных, неотчуждаемых прав, изначально присущих любой личности, то позитивизм трактовал права человека как нечто, дарованное государством; права человека, таким образом, существовали лишь в рамках, границах, предопределённых государством.

К концу XVIII в. эти концепции сошлись в таких важнейших документах эпохи просвещения, как «Декларация независимости» США и «Декларация прав человека и гражданина» Великой Французской революции, когда наличие у личности естественных, неотчуждаемых, априорно присущих ей прав гарантировалось государственной волей.

Во втором параграфе **«Современные концепции прав человека»** анализируются особенности трансформации представлений о личности и её правах после конституирования политологии как отдельной науки и учебной дисциплины.

Современная обществоведческая мысль подчёркивает личностный, гуманистический аспект политики. В современной науке существуют различные трактовки роли личности в политике: а) личность как субъект и объект власти; б) личность как пассивный и активный агент; в) человек политизированный, деполитизированный и нейтральный.

Во многом эти трактовки взаимно накладываются друг на друга: так, личность как субъект власти, то есть человек, осуществляющий эту власть, от которого исходят властные веления, безусловно, будет человеком политизированным и активным агентом. И наоборот, объект власти, как существо страдательное, воспринимающее веления власти, зачастую становится пассивным агентом и, в силу этого, деполитизируется.

По-разному воспринимается роль личности, её место во взаимоотношениях с обществом и государством в тоталитарной, либеральной и плюралистической концепциях демократии.

В тоталитарной демократии речь идёт не столько о правах личности, сколько о правах коллектива. Личность при этом оказывается растворённой в коллективе, её права защищаются постольку, поскольку защищаются права той или иной общности (трудового коллектива, национального меньшинства, молодёжи, пенсионеров и т.д.).

В либеральной демократии, наоборот, права личности первичны по отношению к правам общества или коллектива, и они должны соблюдаться даже в том случае, когда с очевидностью покушаются на общественно-значимые права, на общественное благо.

И, наконец, плюралистическая трактовка демократии выглядит как интегральная, и исходит из того, что права личности, безусловно, должны соблюдаться, но только в том случае, когда они не нарушают права другой личности, права коллектива и общества.

В целом можно говорить о волнообразности развития личностных свобод: повышательные стадии в античности, в эпохи возрождения, промыш-

ленного переворота, во второй половине XX в., и понижательные стадии в промежуточные между ними периоды. Эта схема иллюстрирует достаточно тревожные тенденции в начале XXI века, во многом подтверждаемые политической практикой.

Иначе говоря, нельзя утверждать, что уровень защиты прав человека, достигнутый во второй половине XX в., является вечным и нерушимым. Он подвергается эрозии в современный период – период нарастания региональных конфликтов, борьбы с международным терроризмом, роста экстремистских тенденций в национально-освободительном движении, в мировых религиях, тенденций антиглобализма и т.д.

В третьем параграфе «Концепции прав человека в российской политико-правовой мысли» доказывается, что проблематика не просто личности, но личности, наделённой правами и свободами, достаточно давно развивалась в русской общественной мысли, и в этом смысле российская наука, также как и российская государственность, не стояли в стороне от развития мировой политико-правовой мысли и мирового политического процесса, но развивали, пусть и с определённым временным лагом, приблизительно те же тенденции.

В развёрнутом виде концепция прав человека прозвучала у русских мыслителей, прежде всего оппозиционной, масонской направленности, в конце XVIII в. Ещё более определённо эти проблемы дискутировались в идейной борьбе западников и славянофилов в XIX в. Среди широкого круга тем, обсуждаемых западниками и славянофилами, особо выделяется антропологическая (человековедческая) проблематика.

В российской политико-правовой мысли отражается традиционно существующее отечественной ментальности стремление к коллективизму как в формах бытового сожителства, так и в осмыслении теоретических явлений. Понятия «соборности», «симфонии», столь типичные для российской традиции, подразумевали именно растворённость личности в общем деле и общем благе. Личность в российской политико-правовой традиции традиционно воспринималась как производное от сообщества, коллективизма, его неотъемлемая часть.

Кроме того, заметен и государствоцентристский тип мышления, властепочитание, также традиционное для отечественной мысли. Поэтому традиционно в российской политико-правовой мысли проблематика прав человека занимала значительно меньшее место, чем в западных обществоведческих теориях. Это означает, однако, не отсталость российской мысли, а её иное целеполагание, иную направленность менталитета. Именно с особенностями российского менталитета во многом связан вторичный характер российской политико-правовой мысли по проблемам прав человека: эта проблема выступала не столь актуальной по сравнению с иными.

Таким образом, развитие представлений о личности и её неотъемлемых правах в российской политико-правовой мысли находилось в общем русле

мировых политико-правовых тенденций. Тем не менее, наряду с «догоняющим» характером российских концепций прав человека, их отличало и иное, чем в Западной Европе, представление о приоритетах в триаде личность – общество – государство.

Это не отменяет, однако, значения российских обществоведческих концепций для истории мировой политико-правовой мысли.

В силу особого положения в России православия, на протяжении многих веков игравшего фактически государственную роль, особый интерес представляет позиция Русской православной церкви по отношению к проблематике прав человека. Именно эта проблема исследуется в четвёртом параграфе – **«Современные православные концепции прав человека»**.

Необходимо отметить, что это отношение к различным концепциям прав человека было и остаётся настороженным. Церковь традиционно рассматривает проблему прав человека и порождённые ею защитные институты как привнесённые в нашу страну искусственно и извне.

В наиболее развёрнутом виде официальная позиция Русской православной церкви по проблематике прав человека была обозначена в «Декларации о правах и достоинстве человека», принятой в результате дискуссий в апреле 2006 г. на X Всемирном Русском Народном Соборе.

В целом в позиции Русской православной церкви преобладают тенденции к неприятию любых концепций, исходящих из иных центров политико-правовой мысли. Вместе с тем в этой позиции в последние годы наметились очевидные сдвиги к более гибкой позиции, учитывающей интересы и настроения светской науки и подверженных её влиянию категорий граждан.

Исследовательская задача второй главы **«Складывание защитных институтов в дореволюционной России»** состоит в том, чтобы доказать наличие в России органичных для неё и специфически ей присущих государственных и общественных институтов, которые в той или иной мере могли выполнять защитные функции по отношению к индивиду. К таким институтам, по мнению автора, могут быть отнесены государство и его аппарат, суд, община, институт выборов, выраженный, прежде всего, в такой специфичной для России форме, как земство, и, наконец, институт жалоб и челобитных.

Так, в первом параграфе **«Государство и суд как защитные институты»** утверждается, что государство и суд в реальном политическом проекте могли выполнять не только карательные, но и защитные функции по отношению к индивиду.

Само понятие «гражданин» возникло ещё в древнерусском языке. Правда, изначально оно означало всего лишь жителя города («града») и только затем расширилось до представления обо всех жителях государства, руководимого этим городом. В любом случае, такое понимание коренным образом отличалось от сложившегося в современной науке представления о гражданине как о носителе комплекса прав и свобод, осознающем эти права и

свободы, активно защищающем их и, вместе с тем, осознающем и свою ответственность за соблюдение обязанностей.

Безусловно, для этого периода характерно вторичное, подчинённое положение прав по отношению к обязанностям человека. Такие памятники русской политико-правовой мысли, как «Поучение Владимира Мономаха» и «Слово о законе и благодати», значительно более определённо говорили о том, что человек должен, чем о том, что он может делать. И всё же явственно звучащие там призывы к соблюдению нравственных законов общежителъства позволяют говорить о начальных, зачаточных, но уже имеющих представлений о защите прав человека.

Создание в XVIII в. мощного регулярного бюрократического государства коренным образом преобразовало взаимоотношения между властью и обществом: с одной стороны, привнесло в эти отношения регулярное правовое начало, но, с другой стороны, увеличило количество посредников между личностью и государством.

Тенденция к гражданскому равноправию являлась одной из сильнейших сторон эпохи «великих реформ» второй половины XIX в., наиболее ярко проявившись, в частности, в судебной реформе. Однако, последовательно возвышая на протяжении всего XIX века (в том числе и в периоды так называемых контрреформ) уровень правосознания и объём прав своих подданных в гражданских делах и гражданском судопроизводстве, правительство вместе с тем опасалось предоставлять им соответствующий объём прав политических. Это могло стать возможным только в результате протекционистской роли государства, которое, оставаясь де-юре самодержавным, ограничивало де-факто свои полномочия, защищая гражданские права своих подданных.

Яркой страницей в развитии прав человека стал период так называемой думской, или дуалистической монархии, который стал значительным шагом вперёд в деле утверждения подлинной правовой защищённости граждан России. В период 1906-1917 гг. заметно расширились избирательные права, была введена, в частности, рабочая курия. Практически неограниченной стала свобода печати: издания стали разрабатывать ранее запретные темы подпольного и революционного движения XVIII-XIX вв., а также раскрывать многие закрытые прежде тайны императорской фамилии, правительственного класса. Легализована была партийная деятельность, а те партии, которые до сих пор существовали подпольно, либо прекратили свою деятельность, либо организовали легальные филиалы своих партий.

Тем не менее, невзирая на значительные достижения межреволюционного периода, проблема гарантии прав граждан оставалась до конца не решённой. Именно устарелость взаимоотношений в треугольнике личность – общество – государство, неравнозначность и непрозрачность прав граждан стали одной из основных причин февральской революции 1917 г. Вплоть до этого времени оставалась практически неизменной громоздкая система сословной иерархии, неравноправие при приёме на службу, получении образо-

вания, регистрации актов гражданского состояния, нарушения религиозных свобод.

Наиболее важные достижения периода между февралём и октябрём 1917 г. связаны именно с продвижением гражданских прав и свобод: освобождение политических заключённых, снятие цензурных ограничений при издании книжной и газетно-журнальной продукции, устранения неравноправия различных социальных групп, в том числе этнических и конфессиональных.

Во втором параграфе «**Выборы как защитный институт**» доказывалось, что понятие защиты прав человека напрямую сопрягается и с выборным началом, развитием представительных (в той или иной степени) органов. Поэтому выборные органы в истории российской государственности практически всегда можно рассматривать как защитные институты и с позиции прав личности в социуме.

Характерно при этом, что как власть, так и население вовсе не считали выборность неким достижением или показателем общественного доверия: государство традиционно посредством выборов всего лишь скидывало вниз те полномочия, которые ему самому было осуществлять затруднительно, а население воспринимало (во многом справедливо) такую выборность не как право, а как тяжкую повинность, и стремилось от неё избавиться. Не случайны репрессии правительства против уклоняющихся от выборов, вплоть до уголовного преследования.

Попытки привлечения к управлению выборной общественности делались и при избранной раде (земские и губные учреждения), и при Петре I (ландтаги, ратуши, магистраты), но впервые масштабно, как управленческий принцип, привлечение общественности к государственному управлению было заявлено в ходе реформ Екатерины II. Сильнейшей стороной её преобразований был не сугубо государственный, а именно государственно-общественный характер создававшихся вновь местных учреждений.

Можно говорить, что именно с екатерининских реформ в России стали возрождаться земства, а с развитием земств прямо связаны и проблемы формирования гражданского общества в России. Можно, таким образом, считать, что первые элементы его, пусть зачаточные, начали появляться именно в связи с реформами Екатерины II, когда была разрешена деятельность общественных объединений – вначале в среде первого сословия, в виде дворянских собраний, затем во втором сословии, в виде купеческих гильдий.

Следующим важным шагом в развитии гражданского общества, оказавшим немалое воздействие на управление, стала земская реформа 1864 г., законодательно вводившая общественный элемент в управление губерниями и уездами. Заложенный Екатериной II принцип государственно-общественного управления получил в этой реформе дальнейшее развитие.

Развитие земств как органов общественного самоуправления привело к ситуации, когда гражданские права были максимальны в сфере местного самоуправления и стремились к нулю в политической сфере. Современная рос-

сийская политическая система демонстрирует обратный вариант подобной дихотомии: глава государства избирается населением и стремится сделать все остальные должности максимально управляемыми и назначаемыми. При современной системе население, один раз в четыре года изъявив свою волю на выборах, впоследствии утрачивает практическое влияние на дела. В XIX веке, наоборот, население не могло воздействовать на расстановку политических сил в верхнем эшелоне власти, но зато могло постоянно и результативно воздействовать на ход дел снизу: через систему выборщиков, наказания и т.д.

Плодотворное использование земского опыта ступенчатых, последовательных выборов и связанной с этим ответственности избираемых перед избирателями прослеживается в последних предложениях Президента Российской Федерации Д.А. Медведева по совершенствованию системы выборов в Совет Федерации.

В третьем параграфе «Община как защитный институт» подчёркивается, что при начале российской государственности личность контактировала с государством в основном не непосредственно, а через различные сословные институты. Включённость человека в систему сословно-иерархических отношений означала вместе с тем и его социально-правовую защищённость. Однако, с другой стороны, она же означала и ограниченность его прав, их пределы, и обязательства социальных институтов перед личностью. Одним из основных таких общественных сословных институтов, выполнявших по необходимости также и защитные функции, была община – один из значительных феноменов отечественного общественно-государственного устройства.

Необходимо отметить, что в условиях, когда государство практически не выполняло социальные функции (эта роль будет осознана государством значительно позже, в век Просвещения), община была единственным средством социальной защиты крестьян. Община помогала новобрачным и новорождённым (за молодожёнов 3 года платили налоги). При несчастных случаях община брала на себя долги своих членов. Одновременно с этим община брала на себя и функции «социального обеспечения»: призрение малолетних сирот, содержание одиноких калек и престарелых. Именно община страховала отдельных общинников на случай неурожая, пожара; она же, с другой стороны, и усредняла уровень жизни людей.

Община же выполняла и карательные функции, обеспечивая порядок и наказание за преступления. В общине существовала круговая порука, которая означала вовсе не покрывательство преступлений, а коллективную ответственность общины за действия (прежде всего преступные) её членов и коллективную помощь общины тем, кого мы сегодня назвали бы «социально слабыми» категориями населения. При этом государство в действительности очень мало вовлекалось во внутреннюю жизнь общины, предъявляя лишь самые общие требования к ней, и тем более самым минимальным было вме-

шательство государства в деятельность того или иного конкретного члена общины.

Община предоставляла своим членам как экономические, так и гражданские права: возможность избирать руководство общины и максимальное самоуправление в её пределах. При этом решения принимала именно вся община: на её собраниях мог участвовать и голосовать любой взрослый самостоятельный общинник.

При голосованиях община исходила, насколько это было возможно, из принципа единогласия, защищая тем самым не только совокупное право общины, но и права любых меньшинств внутри неё. То или иное решение не принималось, если хотя бы один из активных членов общины был против. Это, с одной стороны, неизбежно замедляло процесс управления и принятия решений, но, с другой стороны, властно требовало максимально кропотливого поиска компромиссов, учёта различных мнений и точек зрения.

Важно и то, что ни один член общины не мог быть из неё исключён, не мог уйти добровольно из общины (правда, без возможности получения доли общего имущества). Гарантией членства в общине и вытекающих из этого прав личности был сам факт рождения в общине либо принятия в неё.

Однако необходимо учитывать, что пределы действия общины были ограничены: выполняя защитные функции, община, вместе с тем, защищала только члена общины. К сожалению, защитные механизмы приобретали с течением времени всё более иерархический, сословный характер. Правовая защищённость напрямую была сопряжена с принадлежностью к той или иной группе населения, к общине, и ранжировалась в зависимости от положения этой группы в обществе.

Разрастание функций государства закономерно требовало все большего вмешательства государства в дела местного самоуправления: государство постепенно начинает подминать под себя и заставлять служить своим интересам крестьянскую общину. На неё уже в XVI в. были возложены тягловые функции. Община, таким образом, с течением времени всё больше стала превращаться из органа местного самоуправления в нижнее звено государственного управления, что ещё раз подчеркивало нарастание процесса централизации власти.

В четвёртом параграфе «Жалобы и челобитные как защитный институт» говорится о том, что в первые периоды российской истории формы защиты прав человека были достаточно примитивны и связаны прежде всего с обращениями населения к власти предрержащим.

Плохая сохранность источников по начальной истории развития государства не позволяет в полной мере проследить, как развивалось это право. Кроме того, необходимо учитывать, что деятельность населения в значительной мере регулировалась обычным правом, а право юридическое вступало в действие лишь тогда, когда необходимо было корректировать сложившиеся в обычном праве нормы.

Эти обращения изначально существовали в форме жалоб, или челобитий; предложения же государству по совершенствованию его работы либо изменению его структуры не предполагались и не воспринимались ни народным сознанием, ни сознанием элит. Как видим, в рассматриваемый период обращения населения к власти выступают не как инструмент общественного самоуправления, не как инструмент воздействия на власть, а наоборот, как инструмент власти, как властный ресурс.

В допетровский период правовое регулирование вопросов обращения граждан в государственные инстанции (или к царю) носило преимущественно запретительный характер. Хотя именно тогда стало зарождаться право граждан на обращение, но прямого диалога между властью и народом не было, так как отсутствовало само понимание и осознание взаимных отношений.

Для периода петровских реформ характерны регламентация, четкое структурирование и последовательность в реализации прав граждан на обращение. Впервые были созданы специализированные государственные органы управления и должность, которая носила название «рекёт-мейстер», призванные на деле реализовать и обеспечить право граждан на челобитные.

В течение XVIII-XIX вв. система работы с обращениями граждан получила дополнительный толчок в своем развитии и была усовершенствована в законодательном плане. Это дает право полагать, что органы государственной власти именно в этот период своей работы стали осознавать необходимость взаимодействия с населением российского государства через рассмотрение обращений граждан, а также закрепления этих ещё совсем новых отношений в нормативно-правовом плане.

Третья глава **«Институты защиты прав человека в 1917-1991 гг.»** посвящена исследованию сложных и противоречивых процессов в сфере защиты прав человека от падения политической системы Российской империи и вплоть до распада советской политической системы в 1991 г.

В первом параграфе **«Концепции Временного правительства в области защиты прав человека»** показана позиция по отношению к проблеме прав человека либерального и революционно-демократического лагерей общественно-политического спектра, которые осуществляли политическое управление в период между февралём и октябрём 1917 г.

Слом монархии реанимировал в общественном сознании мечты о достижении гармонического общественно-государственного устройства, в максимальной степени учитывающего права и свободы граждан. Однако в революционной ситуации 1917 г. любые центристские, умеренные политические силы и их идеологии отвергались общественным сознанием, торжествовали идеи скорейшего достижения идеала общественного устройства.

Уже ближе к концу своего существования, после провозглашения России 1 сентября 1917 г. республикой, Временное правительство озабочилось проблемой создания новой конституции России, в которой был бы законодательно оформлен комплекс прав и свобод гражданина.

К выработке проекта конституции в порядке подготовки к Учредительному собранию приступила 11 октября 1917 г. Особая комиссия по составлению проекта Основных законов под председательством Н.И. Лазаревского.

При обсуждении вопроса о декларации прав человека в Комиссии 14 октября 1917 г. упоминалось о возможности принять две формы декларации: «одну, содержащую в себе мнимые нормы, одно лишь провозглашение принципов и вследствие этого лишённую содержания, и другую, представляющую собою комплекс конкретных юридических норм, наиболее важных юридических проявлений свободы».

По мнению комиссии, в декларации должны быть зафиксированы как права свободы, так и права граждан на определённые услуги со стороны государства – права позитивного статуса. Стоит отметить, что так называемые «права второго поколения», т.е. социально-экономические права Комиссия везде последовательно именovala позитивными, разъясняя различия между правами негативного и позитивного статуса таким образом, что «права первого поколения», или права негативного статуса, обнимают собой «те или иные проявления свобод гражданина», а права позитивного статуса не вытекают из естественных свобод, а касаются именно услуг государства, которые могут быть как оказаны, так и не оказаны.

Комиссия имела в своём составе, наряду с кадетским (условно говоря, либеральным) большинством, также и эсеровско-меньшевистское (социалистическое, в этой же терминологии) меньшинство, и мнения участников далеко не всегда совпадали между собой. Наиболее острые споры вызывала именно проблема реализации социально-экономических прав.

Работа Комиссии естественным образом прекратилась после вооружённого переворота 25-26 октября 1917 г. и прихода к власти большевиков. Концепции, положенные в основу её работы, не были реализованы.

В целом можно сказать, что одной из основных причин падения Временного правительства стало то, что, увлечённое утверждением гражданских прав и свобод, оно не уделило должного внимания так называемым «правам второго поколения», т.е. социально-экономическим правам.

Социально-экономические права, даже будучи провозглашёнными, обесмысливались резким ростом инфляции, обесценением денег, падением реального производства. Кроме того, нежелание разрешить такие острые вопросы, как вопрос о земле, вопрос о рабочем контроле над производством, национальный вопрос, и, прежде всего, вопрос о мире, привели к резкому падению массовой поддержки власти. С другой стороны, именно провозглашение популярных лозунгов реализации глубинных прав и свобод для граждан обеспечили на первых порах массовую поддержку пришедших к власти большевиков. Подчёркнутое внимание к социально-экономическим правам было сильнейшей стороной в агитации большевиков.

Второй параграф «**Формирование и трансформация большевистской концепции прав человека**» посвящён анализу теоретических построе-

ний большевиков и практике осуществления защитных функций советского государств.

Практика строительства советской власти представляет собой своеобразное «отрицание отрицания». Придя к власти, большевики действительно верили, что они проведут подлинно свободные выборы в Учредительное собрание, заменят армию всеобщим вооружением народа, полицию – добровольной милицией, официальную юстицию – народными судами, государственную бюрократию – общественным самоуправлением, ликвидируют тюрьмы.

В действительности произошло прямо противоположное: и армия, и полиция (лишь переименованная, но не преобразованная в милицию), и бюрократия, и пенитенциарная система значительно разрослись по сравнению с предшествующим периодом, но это стало реакцией на неожиданные для победителей октябрьского переворота 1917 г. размах и мощь вооружённого сопротивления в виде гражданской войны, отсутствие международной поддержки в виде мировой революции.

Тем не менее, необходимо учитывать, что до прихода к власти большевики рассматривали себя как партию, наиболее последовательно борющуюся за осуществление народных прав и свобод, причём именно в народном их понимании, когда гражданские права в значительной мере представляются как своего рода абстракция, а существенно более важными являются социально-экономические права. Народное восприятие свободы как воли воплощалось во многом в отсутствии уважения к чужой собственности, отрицании частной собственности как таковой.

Теоретические воззрения большевиков на права и свободы граждан были законодательно воплощены в «Декларации прав народов России» и «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Правда, затрудняет текстовый анализ обеих «Деклараций» их декларативный характер.

Для первого военно-революционного периода характерны лозунги «революционного правосознания» (впоследствии «социалистической законности»), противоположного «буржуазному», с чем вполне корреспондировали революционные трибуналы, бессудные расправы, практическая отмена обычного судопроизводства. Необходимо учитывать при этом, что сама большевистская власть зачастую не столько инициировала применение репрессий, сколько, наоборот, сдерживала проявления народного гнева, вводила их в необходимое организационное русло.

В этих условиях карательные органы по необходимости начинали выполнять не только репрессивные, но и защитные функции, с одним только существенным изъятием: они защищали права только того человека, который признавал новую власть, принимал «правила игры». Официальная юстиция начинала выполнять, таким образом, двойную роль – как защиты прав граждан, так и их нарушения. Повторялась ситуация, характерная для император-

ского периода русской истории: государство защищало гражданские права личности, но не пускало её в политическую сферу.

Многие из мер, проводимых новой властью в первый период после прихода к власти, носили не строго коммунистический, но общедемократический характер. Это были меры, которые должно было бы проводить любое правительство в случае своего прихода к власти: упразднялось деление на сословия; отменены титулы и звания; провозглашено отделение церкви от государства и школы от церкви; равенство мужчин и женщин; введена гражданская регистрация браков (ЗАГС).

Социальная структура общества этими мерами во многом упрощалась и усреднялась. С другой стороны, последовательное применение классового принципа создавало новую сложную иерархию общественных отношений. При этом привилегированное положение пролетариата, провозглашённого гегемоном революции, было весьма относительно, он в условиях «военного коммунизма» также подвергался жёсткому государственному принуждению и регулированию.

Для первых послереволюционных лет характерна также подмена системы права набором норм, правил, инструкций. Уже в это время складывается характерная для всего советского периода обратная иерархия, когда инструкция становится выше указа, а указ — выше закона.

Положение мало изменилось и по окончании гражданской войны. Сформировавшиеся после этого юридические органы приобрели извращённый характер. Прокуратуре был присущ сугубо обвинительный уклон, адвокатура заняла подчинённое положение в системе судопроизводства. Народные заседатели ни в коей мере не заменили собой суда присяжных. Постепенно восторжествовало и так называемое «телефонное право», когда судебные решения предопределялись в органах государственной и партийной власти.

Тем не менее, нельзя преувеличивать роль принуждения и насилия в складывавшемся тоталитарном режиме. Такой режим во многом опирался на народную поддержку и на народное понимание прав и свобод личности. Иначе говоря, такая народность режима выражалась в том, что тоталитаризм держится на том, что отражает если не интересы, то настроения масс. Именно поэтому можно говорить, что тоталитаризм всегда опирается на массовую поддержку, можно говорить о своеобразном обаянии тоталитаризма, воплощающем собой порядок, мощь, последовательность, нераздельность власти. Тоталитаризм создаёт ощущение защищённости личности и солидарности её с обществом и государством.

В ходе развития и трансформации советской системы сложилась «низовая», или «тоталитарная» демократия. В этой системе именно в силу тотального, всепроникающего характера государства оно в полной мере отвечало по своим обязательствам в социальной сфере (всеобщая занятость, возможности для отдыха и восстановления здоровья, приемлемый жизненный

уровень). Набор прав личности по отношению к местным органам власти был достаточно широк. Но набор политических прав – минимален, декларативен, формален. Поскольку же для большей части населения значение имели права по отношению к местности, а не к высокой политике – то власть получала легитимацию.

Третий параграф «Развитие права граждан на обращение в советский период» посвящен развитию института права граждан на обращение.

В советской политической системе постепенно сложилась разветвлённая система учёта мнения и настроения граждан. Режим по пропагандистским основаниям был заинтересован в позиционировании себя как народного государства. Именно поэтому большое внимание уделялось, в частности, работе с письмами трудящихся.

Наряду с этим важную роль в учёте жалоб и предложений играли комиссии (комитеты) партийного контроля (так же, как комитеты народного контроля в советской системе). Во всех газетах и журналах существовали отделы писем, занимавшие виднейшее место в структуре средств массовой информации, которым предписывалось в строго определённый срок отвечать на все поступающие в редакции письма; именно письма и корреспонденции трудящихся должны были занимать большую часть газетных площадей. Книжки жалоб и предложений в обязательном порядке не просто заполнялись во всех предприятиях сферы торговли и обслуживания, но и подвергались строгому учёту со стороны контрольно-ревизионных и иных проверяющих органов. Действовала система приёмных Президиума Верховного Совета СССР и советов других уровней. Наконец, учёт мнений и настроений, случаев недовольства теми или иными явлениями общественной жизни был хорошо налажен в системе государственной безопасности (НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ).

Немаловажно и то, что существовало разветвлённое законодательство, обязывавшее отвечать на жалобы населения. В частности, законодательство о трудовых коллективах подробно расписывало права трудового коллектива по отношению к администрации предприятий и организаций и прямо предписывало строгую отчётность управленцев перед своими коллективами.

Иначе говоря, центральная власть (первый уровень управления) при полной поддержке населения (третий уровень управления) держала, в полном соответствии с логикой Н. Макиавелли, в напряжении средний уровень управления – чиновников регионального и местного уровней.

Власть прямо поддерживала критику снизу, в том числе и через систему сатирических журналов («Крокодил») и киножурналов («Фитиль»). Поэтому можно сказать, что советские люди приобрели стойкую привычку писать жалобы и заявления в органы власти, средства массовой информации в твёрдой уверенности, что получат ответ и их критика будет результативной.

Избирательная система СССР подразумевала, в том числе, и систему наказов избирателей кандидату в депутаты, и обязательные отчёты за их исполнение. Власть была заинтересована во всемерном распространении сис-

темы наказов избирателей кандидатам в депутаты. Разумеется, эти наказания были в значительной степени заорганизованы, многие из них заранее составлялись в соответствующих партийных комитетах, однако были и несакционированные сверху наказания, касавшиеся повседневной жизни избирателей.

Особо отметим, что эти наказания тщательно фиксировались, протоколировались не только самим кандидатами в депутаты, но и присутствовавшими на собраниях избирателей представителями партийных и советских органов, и депутат после избрания отчитывался в их выполнении также не только перед избравшим его населением, но и перед соответствующими партийными и советскими инстанциями. Однако случаи отзыва депутатов на основании невыполнения наказов избирателей достаточно редки и относятся в основном к периоду так называемой «оттепели» и, кроме того, к низовому (сельскому и районному) уровням советской системы.

Характеризуя систему работы с обращениями граждан, можно сказать, что в советский период власть не только не препятствовала, но и всячески способствовала развитию различных форм обращений граждан (приемные ЦИК, Верховного Совета, РКИ, отдел писем ЦК КПСС, отделы писем СМИ, книги жалоб и предложений и т.д.), рассматривая их как эффективный механизм идеологического обоснования рабоче-крестьянского (общенародного) характера режима; как инструмент давления на местные и средние (региональные) эшелоны управления. Право жалобы на действия органов регионального управления любого уровня было практически всеобщим, поскольку могло быть реализовано всеми слоями населения. В этот период эффективно действовала система, обеспечивающая приём и прохождение жалоб, реализацию решений по ним и ответственность должностных лиц.

Однако при этом власть чрезмерно суживала смысл права граждан на обращение. Так, полностью исключались обращения политического и партийного характера, в частности, по изменению государственного и общественного строя. Критика подразделялась на внутрисистемную, которая поощрялась государственной властью, и внесистемную. Призывы к развитию критики не подразумевали критику высших органов власти, другими словами, диалог между властью и обществом скорее вёлся в одном направлении — сверху вниз.

В четвёртом параграфе **«Общественные организации как институты защиты прав человека»** исследуется место и роль общественных организаций в советской политической системе, их воздействие на уровень защищённости граждан.

В советский период кардинально изменялось место в социальной системе и персональный состав общественных организаций. Эти организации по-прежнему оставались посредником между государством и обществом, но в наибольшей степени становились уже не коммутатором между властью и обществом, а ретранслятором деятельности власти. Особенно процессы огосударствления общественных организаций усилились в 1930-е гг.

Именно с пониманием ненормальности сложившейся однопартийной системы, с органически присущим ей отсутствием каналов для нормальной критики связаны метания Н.С. Хрущёва, например, предложение о разделении партийных органов на сельские и промышленные (с подсознательным разделением и самой партии на две части). С этим же связано и отчётливое стремление к разгосударствлению ряда функций и исполняющих их органов.

Однако отход от идеалов оттепели, консервация режима в 1960-1970-е гг. привели к новой волне огосударствления общественных организаций. Как планы развития этих организаций, так и персональный состав их руководящих органов утверждались в ЦК КПСС.

Общественные организации окончательно потеряли свой добровольный характер: при этом, с одной стороны, членство в организациях становилось принудительным, но, с другой стороны, оно лимитировалось для действительно желающих туда попасть (так называемые социальные квоты при приёме, кандидатский стаж и т.п.).

Формальное статусное положение общественных организаций в социальной стратификации (ВЛКСМ долженствовал выражать интересы молодёжи, Комитет советских женщин – интересы женщин, творческие союзы – интересы соответствующих подразделений творческой интеллигенции, и т.д.) далеко не обязательно приводило к тому, что они действительно выражали интересы «своих» социальных групп.

В пятом параграфе «Правозащитное движение в СССР» исследуется феномен правозащитного, или диссидентского движения в СССР.

Правозащитное движение – явление достаточно позднего этапа развития советского общества, о нём можно говорить только применительно к 1950-80-м гг., то есть к периоду так называемой десталинизации. Иначе говоря, само появление так называемого правозащитного движения парадоксальным образом было связано не только с ограничениями или нарушениями прав человека, но и с расширением спектра этих прав. Оно было невозможно в тот период, когда государство прибегало к массовому террору как средству удержания и повышения эффективности государственной власти.

Деятели правозащитного движения именовались также инакомыслящими, или диссидентами. При этом необходимо иметь в виду, что под правозащитным движением понималась не любая борьба с режимом, но именно борьба ненасильственными средствами, в отличие от вооружённых фаз борьбы в 1920-30-е или 1940-50-е гг. Выходу правозащитного движения на международный уровень в середине 1970-х гг. способствовало несколько разнородных явлений.

Во-первых, достижение к концу 1960-х гг. ядерного паритета привело к политике «детанта», или разрядки международной напряжённости, а это, в свою очередь, потребовало большего учёта мнения и настроений партнёров по переговорам. СССР подписал в 1975 г. полном объёме Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе, однако, как показала прак-

тика, не собирался выполнять положения так называемой «третьей корзины» – третьего раздела этого акта, который трактовал проблемы прав человека. В то же время в новой Конституции СССР 1977 г. проблемам прав и свобод граждан была посвящена отдельная большая глава.

С другой стороны, западные страны рассматривали проблематику прав человека как оружие идеологической борьбы против остававшегося ещё в 1970-е гг. обаяния стран социализма. В частности, проблематика борьбы за права человека была навязана администрацией США в период президентства Дж. Картера (1977-81 гг.) и, к сожалению, СССР в этой борьбе довольно скоро стал занимать оборонительные позиции, несмотря на то, что упреки в нарушении прав человека вполне могли бы быть отнесены и к странам – инициаторам дискуссии.

В 1970-е гг. государственные органы и оппозиционные (общественные) организации занимались практически несоприкасающимся спектром защиты прав человека. Если государство интересовало большей частью гарантии социально-экономических прав граждан (которые были далеко не только декларативными), то оппозиционные группы брали на себя защиту так называемой «третьей корзины» хельсинских соглашений – сферу гуманитарных прав граждан. Поскольку же эта проблематика интересовала большей частью интеллигенцию (а внутри неё – интеллигенцию творческую), то эти группы оставались организациями в какой-то степени маргинальными, их массовая база была слаба.

Среднестатистического советского гражданина очень мало волновали проблемы свободы эмиграции (и даже свободы выезда в зарубежные страны), а также и возможности публикации. В то же время гарантированность основных социально-экономических прав, чувство социальной защищённости порождали у него ощущения сопричастности режиму, близости с ним. Апелляция же правозащитного движения к западному общественному мнению с самого начала вызывала негативное восприятие в массовом сознании.

Этим положение коренным образом отличалось от стран Восточной Европы, где подобные движения обычно встречали массовую поддержку. Во-первых, в СССР режим не был привнесён извне, он вызрел из внутреннего революционного движения и в итоге своей эволюции к концу советского периода представлял собой плод приспособления западной теоретической доктрины к российскому менталитету. Кроме того, у нас, в отличие от европейских стран, существовал, по крайней мере со времён Петра I, феномен «двух культур» и отрыв интеллигенции от основной массы населения. Поэтому у нас был невозможен феномен В. Гавела в Чехословакии или Л. Валенсы в Польше, которые из лидеров правозащитного, диссидентского движения выросли в президентов республик. Значительно более продуктивной в условиях нашей страны была деятельность тех представителей власти, которые стремились осуществить внутрисистемные преобразования, усовершенствовать

систему, не выходя за её рамки. Таким группам Е.М. Примаков дал меткое определение «диссиденты в системе».

Подводя итоги, можно сказать, что понятие борьбы за права человека не сводимо к диссидентскому движению. Человек в советской системе вполне мог, и это было показано в предыдущих параграфах, защищать свои права и в рамках системы.

Но точно так же, как защита прав личности не сводилась исключительно к диссидентству, так и диссидентское движение не сводилось к правозащитной направленности. Наоборот, в рамках этого движения существовали значительные массивы, отрицавшие идеологию прав человека, во всяком случае, в либерально-западном трактовании этого понятия.

Диссидентское движение отчётливо подразделялось на группы национальные, религиозные и собственно идеологические; внутри этих групп, в свою очередь, могли возникать разломы по различным критериям: «красные» – «белые», «ультимативисты» – «постепеновцы» и т.д. При этом защита интересов своей группы вовсе не автоматически подразумевала поддержку прав иных групп, а, зачастую, наоборот, их игнорировала, отрицала.

В **Заключении** подведены итоги и сделаны общие выводы по исследованию.

Теория защиты прав человека, подробно разработанная французскими просветителями эпохи Просвещения в XVIII в., была, тем не менее, феноменом не только XVIII в., поскольку трактовала явления не вновь возникшие, а издавна существовавшие в политической практике.

Не следует сужать и топографию действия теории защиты прав человека. Бесспорно, что она не может быть ограничена рамками сугубо западноевропейской политической традиции. Своеобразие российской цивилизации и присущей ей политической системы не отвергает возможности осознания в ней индивидуумом своих коренных интересов и защиты своих прав перед государством, обществом и иным индивидуумом.

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и её субъектах, возникший в начале 1990-х гг. и действующий по настоящее время, во многом опирается не только на общемировой опыт, но и на традиции индивидуальных и корпоративных прав и свобод, сложившиеся в российской государственности. Вместе с тем, необходимо отметить, что Уполномоченный по правам человека – это более узкое понятие по сравнению с пониманием защитных институтов в широком смысле.

Без учёта предшествующего опыта невозможно осмысление роли и значения защитных функций в современном российском обществе и государстве, а также осуществление прогностических функций, долгосрочное программирование перспектив развития гражданского общества в России.

Поэтому необходимо было создавать концептуально новые формы деятельности по защите прав человека на современном этапе развития России и органов государственного управления.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

I. Статьи в изданиях, включенных в «Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых для публикации научных работ, отражающих основное содержание докторских диссертаций» ВАК РФ:

1. Лаврентьева Т.В. Институты защиты прав человека в истории российской государственности: к постановке проблемы // Государственная служба. – 2008. – № 4. С.185-187.

II. Статьи в других изданиях:

2. Лаврентьева, Т.В. Уголовно-процессуальные гарантии реализации принципов института обеспечения неприкосновенности частной жизни / Т.В. Лаврентьева, Н.А. Лаврентьева // Обеспечение прав личности и интересов государства в современном обществе: сб. тезисов Всероссийской НПК. Муром, 17-18 декабря 2004 г. – Муром: МИ ВлГУ, 2004. – С.277-279.
3. Лаврентьева, Т.В. Социализация личности и проблема одиночества / Т.В. Лаврентьева // XXX Гагаринские чтения. Научные труды Международной Молодежной научной конференции в 8 томах. Москва 4-8 апреля 2004 г. - Т. 7. – М.: МАТИ, 2004. – С.87.
4. Лаврентьева, Т.В. Особенности развития гражданского общества в России / Т.В. Лаврентьева, Е.А. Белова // XIV Туполевские чтения: Международная молодежная научная конференция, 1-11 ноября 2006 года: Материалы конференции. Т. VII.-Казань: КГТУ, 2006. – С.243.
5. Лаврентьева, Т.В. Особенности демократии в современной России / Т.В. Лаврентьева, Л.Л. Будакова // XIV Туполевские чтения: Международная молодежная научная конференция, 1-11 ноября 2006 года: Материалы конференции. Т. VII. -Казань: КГТУ, 2006. – С.246.
6. Лаврентьева, Т.В. Становление института Уполномоченного по правам человека в России / Т.В. Лаврентьева, Н.А. Лаврентьева // Социальные технологии в различных сферах жизнедеятельности: теория и практика: Сб. статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета. Муром, 11-13 апреля 2007 г. – М.: РГСУ, 2007. – С.137-140.
7. Лаврентьева, Т.В. Становление института уполномоченного по правам человека в России / Т.В. Лаврентьева, Н.А. Лаврентьева // Наука и образование в развитии промышленного потенциала и социально-экономической сферы региона: сб. докладов научно-практической конференции, посвященной 50-летию Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета. Муром, 2 февраля 2007 г. – Муром: МИ ВлГУ, 2007. – С.222.

8. Лаврентьева, Т.В. Концепция прав человека как инструмент «очеловечивания» власти / Т.В. Лаврентьева, Н.А. Лаврентьева // Наука и образование в развитии промышленного потенциала и социально-экономической сферы региона: сб. докладов научно-практической конференции, посвященной 50-летию Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета. Муром, 2 февраля 2007 г. – Муром: МИ ВлГУ, 2007. – С.245.
9. Лаврентьева, Т.В. Институты защиты прав человека как механизм обратной связи власти и общества / Т.В. Лаврентьева // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение стратегического управления, разработки и реализации приоритетных национальных проектов и программ. Сб. науч. тр. ИНИОН РАН / Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН, 2007. – С.64-76.
10. Лаврентьева, Т.В. Институт уполномоченного по правам человека в процессе демократизации политической сферы в России / Т.В. Лаврентьева, Н.А. Лаврентьева // Реформирование российского общества: опыт, проблемы, перспективы: материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Н.А. Душковой. – Воронеж: ООО «А3+», 2007. – С.227-231.
11. Лаврентьева, Т.В. Роль институтов защиты прав человека во взаимодействии власти и общества / Т.В. Лаврентьева // XXXIV Гагаринские чтения. Научные труды Международной Молодежной научной практической конференции в 8 томах. Москва 1-5 апреля 2008 г. Т.7. – М.: МАТИ, 2008. – С.162-164.
12. Лаврентьева, Т.В. Новые формы взаимодействия государственных и общественных институтов защиты прав человека / Т.В. Лаврентьева // XXXIV Гагаринские чтения. Научные труды Международной Молодежной научной практической конференции в 8 томах. Москва 1-5 апреля 2008 г. Т.7. – М.: МАТИ, 2008. – С.164-166.
13. Лаврентьева, Т.В. Диверсификация институтов защиты прав человека в 2000-е гг. / Т.В. Лаврентьева // Современная история России и развитие исторической науки (1980-е – 2007 гг.): Материалы VI межрегионального симпозиума «История и политика: новые ресурсы регионального развития России». – Нижний Новгород: ВВАГС, 2008. – С.41-43.